

Л. Я. Арапханова

Личное дело выселенца — исторический источник по изучению режима спецпоселения

Введение

Массовые политические репрессии, через которые прошли десятки народов бывшего СССР, являются одной из актуальных проблем советского периода. До сих пор остаются спорными вопросы, связанные с изучением как причин, так и условий пребывания людей в принудительной депортации в годы Великой Отечественной войны. Сотни тысяч представителей депортированных народов отдали свои жизни, защищая идеалы советского государства на всех фронтах, в то время как их родители, жены и дети были подвергнуты переселению в Сибирь, Казахстан и Киргизию. Ценой такой акции стала гибель значительной части из них от холода, голода и эпидемий.

Многие стороны жизни спецпоселенцев долгое время оставались неизученными, пока не стали доступны ранее засекреченные архивы. Изучение истории сталинских депортаций в зарубежной историографии началось значительно раньше, чем в советской. На фоне сложившихся внешнеполитических противоречий, а также отсутствия цензуры англо-американские историки, в том числе и эмигранты, еще в начале 70-х гг. XX в. исследовали этнические депортации в СССР¹. В советской историографии тема депортации народов по вполне очевидным причинам не была проблематизирована и только вскользь упоминалась в научной литературе. С начала 1990-х гг. в российской историографии появляются первые исследования, посвященные комплексному изучению проблемы. Стоит выделить работы Н. Ф. Бугая², В. Н. Земскова³,

Арапханова

Лейла Якубовна

канд. полит. наук,
зав. отделом
социально-
политических
исследований,
Ингушский научно-
исследовательский
институт гуманитарных
наук им. Ч. Э. Ахриева;
доц., Ингушский
государственный
университет
(Магас, Россия)

сопровождающиеся ценными статистическими данными по географии расселения, демографическим изменениям и другим характеристикам спецпоселений. Изучению проблем репатриации и персоналий специально посвящены исследования А. А. Герман⁴, М. Ю. Приваловой⁵, Л. А. Бургарт⁶. В своей работе «Судьба человека — судьба народа» Л. А. Бургарт подробно изучила личные дела немцев-спецпоселенцев, на основе которых исследовала поэтапно режим спецпоселений в СССР.

Общим вопросам депортации, трудовому и хозяйственному устройству и правовому положению спецпоселенцев посвящены работы казахстанских исследователей Ж. А. Еремекбаева⁷, М. Ч. Калыбековой⁸, А. С. Мусагалиевой, Р. М. Мусабековой⁹.

Среди исторических источников, отражающих факты политических репрессий¹⁰ и выселение целых народов из мест постоянного проживания, все большее значение приобретают архивные документы, значительная часть которых на протяжении многих десятилетий оставалась под грифом секретности. Особый интерес вызывают массовые официальные документы, в том числе личные дела выселенцев. Для восполнения этого пробела в статье впервые вводится в обращение новый тип источников — личные дела спецпереселенцев ингушей.

После распада СССР архивные источники, содержащие информацию о жизни в спецпоселении, остались за пределами России, в местах спецпоселений в Казахской и Киргизской республиках. Лишь незначительная часть документов была направлена в 1967–1968 гг. в архивы восстановленных Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Калмыцкой АССР.

Повышенный интерес к изучению политики репрессий посредством изучения личных дел выселенцев вызван в первую очередь отменой введенных ограничений на доступ к архивам, снятием грифа секретности, а также малоизученностью истории повседневности. В результате двух военных кампаний в Чеченской Республике 1994–1996, 1999–2000 гг. были почти полностью уничтожены фонды национального архива, отражавшие историю народов региона с середины XVIII до конца XX в. Из коллекции документальных материалов по личному составу из 257 905 дел бывших спецпереселенцев сохранилось только 122 058 единиц хранения¹¹.

Личное дело выселенца

Вести статистический учет спецпереселенческого контингента в условиях войны Министерству внутренних дел не представлялось возможным. Трудности учета были вызваны значительными изменениями, происходившими в среде спецконтингента, в том числе смертностью и внутренними миграциями. В этой связи для максимально полной аккумуляции персональных сведений на всех без исключения взрослых спецпоселенцев органами НКВД было инициировано ведение личных дел. Количество спецконтингента оказалось внушительным. Согласно разработанному Государственным Комитетом Обороны СССР проекту и постановлению от 31 января 1944 г., выселению в Казахскую и Кир-

гизскую ССР подлежали 69 267 карачаевцев¹², 459 486 чеченцев и ингушей¹³, 40 909 балкарцев¹⁴.

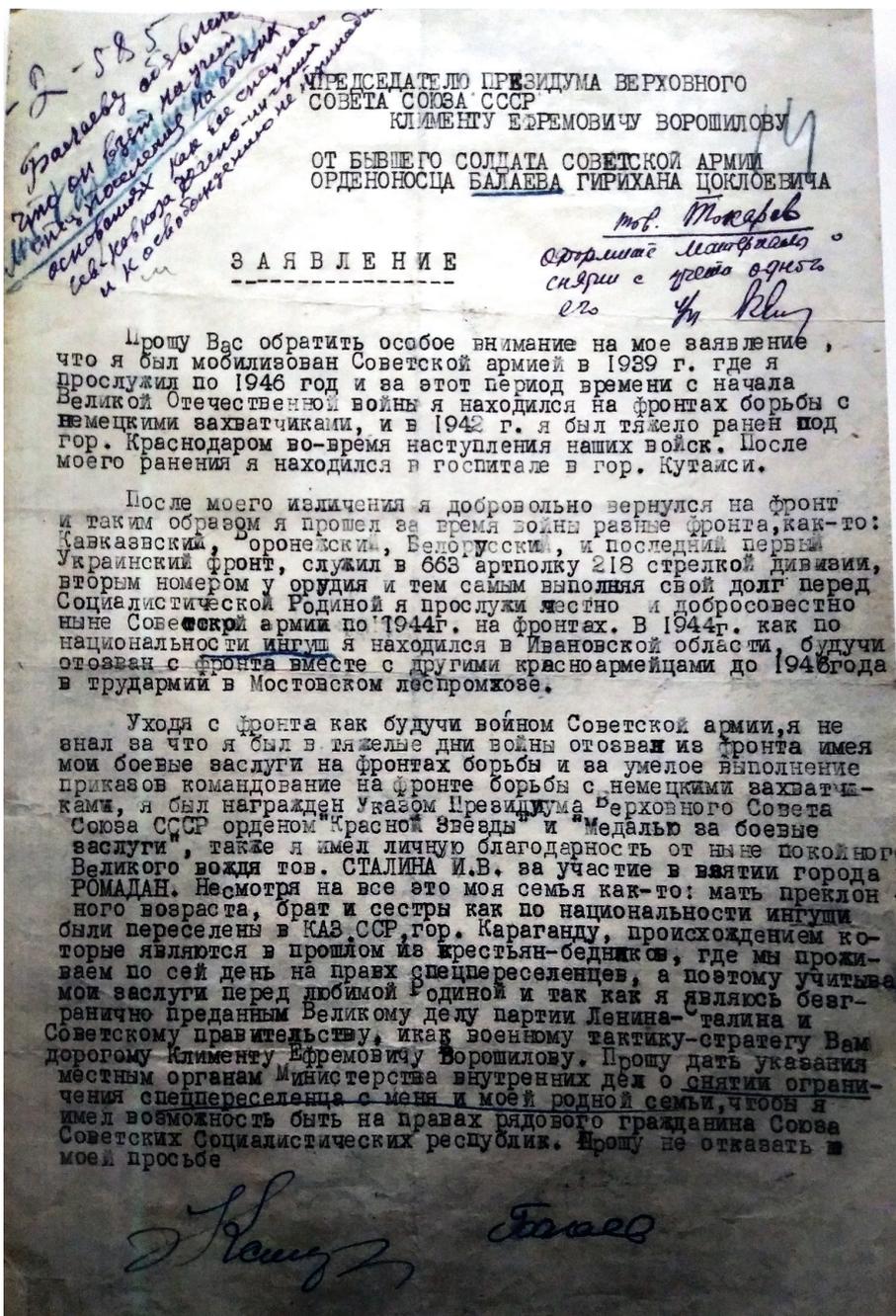
Мероприятия по приему и размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР в оперативном порядке стали проводиться после выхода секретного Постановления ЦК КП(б) в январе 1944 г., определившего их порядок. Схема была достаточно простой. Для руководства по приему, размещению и трудоустройству новых поселенцев создавались двухуровневые «тройки» в составе председателя исполкома областного совета, секретаря обкома КП(б) Казахстана и Киргизии, начальника областного управления НКВД. В районах — «тройки» в составе председателя исполкома райсовета, секретаря райкома КП(б) Казахстана и начальника РО НКВД¹⁵.

21 февраля 1944 г. был издан приказ НКВД СССР, а 7 марта 1944 г. — Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Чечено-Ингушской АССР¹⁶. Операция по выселению народов Чечено-Ингушской АССР началась 23 февраля 1944 г. В апреле 1944 г. на закрытом заседании сессии Верховного Совета СССР было оглашено решение Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении калмыков, чеченцев и ингушей¹⁷.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 г., немцев, чеченцев, калмыков, ингушей, балкарцев, карачаевцев, греков и крымских татар поселяли в Казахстане и Средней Азии навечно. Об этом под расписку объявлялось каждому спецпоселенцу¹⁸. Детей выселенцев по достижении 16 лет ставили на персональный учет и заводили на них личное дело. Анкеты на вновь учитываемых выселенцев составлялись при участии одного из родителей, если таковые имелись. Согласно инструкции «О порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», подписанной наркомом внутренних дел СССР Л. Берией, выселению в Среднюю Азию и Казахстан подлежали все жители Чечено-Ингушской АССР, по национальности чеченцы и ингуши.

Подлежали выселению члены ВКП(б) и ВЛКСМ, по национальности чеченцы и ингуши, независимо от занимаемого ими служебного положения, а также работники партийных, советских органов и хозяйствующих учреждений с формулировкой «для работы на новых местах расселения»¹⁹. Выселялись и военнослужащие указанных национальностей, которых снимали с фронта и отправляли на новые места поселения. Примером тому является личное дело выселенца Герихана Циклоевича Балаева, который на фронте был с первых дней войны. В личном деле сохранилось его заявление на имя Председателя Президиума ВС СССР К. Е. Ворошилова с просьбой о снятии ограничений спецпоселения:

«Я был мобилизован Советской армией в 1939 году, где я прослужил по 1946 год. В 1942 году я был ранен под г. Краснодар во время наступления наших войск. После моего ранения я находился на лечении в госпитале в г. Кутаиси. После излечения я добровольно вернулся на фронт. Воевал на Кавказском, Воронежском, Белорусском, 1-Украинском фронтах, в составе 663 артиллерийского полка, 218 стрелковой дивизии... Я прослужил честно и добросовестно ныне Советской армии до 1944 года на фронтах. В 1944 году был отозван как ингуш по национальности и отправлен в Иваново в трудовой фронт, где проработал до 1946 года в Мостовском леспромхозе. Уходя с фронта, будучи воином

Заявление Г. Ц. Балаева на имя К. Е. Ворошилова.

Источник: Архивное управление правительства Чеченской Республики.

Ф. Р. 1095. Оп. 5. Д. 4135. Л. 14

Советской армии, я не знал, за что я был в тяжелые дни войны отозван из фронта, имея мои боевые заслуги на фронтах борьбы и за умелое выполнение приказов командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, я был награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР орденом “Красной звезды” и медалью “За боевые заслуги”, также имел личную благодарность от ныне покойного великого вождя тов. Сталина за участие и взятие города Ромадан...»²⁰

В 1946 г. он был демобилизован и направлен в Казахстан в г. Караганду, на воссоединение с семьей и народом, депортированным в 1944 г. Среди изученных личных дел в содержательной их части можно выделить дела участников войны, в которых имеются письма, заявления и обращения в государственные и общественные органы страны.

Представленный образец личного дела выселенца можно отнести к массовым официальным документам персонального характера, типичным для тоталитарных режимов. Изучение материалов этих дел позволяет сделать вывод о том, что в них содержится подробная информация о человеке от рождения и до освобождения из спецпоселения.

Уникальность личных дел как исторического источника заключается в том, что они отражают жизнедеятельность спецпереселенцев, живущих по заранее прописанным государством правилам и нормам поведения. С одной стороны, письменный источник формируется комендантом, с другой — самим автором через личностное восприятие событий жизни. В личных делах спецпереселенцев содержатся следующие сведения: полное имя, место и дата рождения, образование, место проживания до депортации и после, состав семьи (родители, дети, другие члены семьи), рождение и смерть членов семьи, трудовая деятельность, социальное положение. Кроме того, в делах подшиты: справка основания взятия на учет, анкета с фотокарточкой, расписка об объявлении Постановления СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г.,²¹ расписка об объявлении Указа от 26 ноября 1948 г.,²² автобиография, контрольные листы, свидетельства (справки) о рождении детей, свидетельства о смерти, расписки об объявлении правового положения, расписка об освобождении из спецпоселения и др.

Формирование личного дела выселенца являлось для спецкомендатур одной из основных функций, помимо надзора за соблюдением режима спецпоселения. Дело велось в течение всего периода нахождения репрессированного в спецпоселении. Кроме предписанных инструкцией МВД, в дело подшивались также другие документы, имевшие отношение к личности выселенца, независимо от характера и содержания, в том числе переписка с официальными органами, спецкомендатурой, включая объяснительные по различным нарушениям режима поселения, заявления, обращения, разрешения на выезд, переезд в другое местожительство и т. п.

Для этого в Казахской ССР были созданы 429, в Киргизской ССР — 34 районных и 79 поселковых спецкомендатур НКВД. Для оперативно-чекистского обслуживания и контроля над всеми действиями спецпереселенцев был создан «агентурно-осведомительный аппарат» в количестве 7262 чел., в том числе резидентов — 123, агентов — 215 и осведомителей — 6924²³.

Особо обращают на себя внимание автобиографии выселенцев, в которых авторы не только сообщают сведения, касающиеся их лично (в основном это люди допризывного либо старческого возраста, женщины и больные), но и рассказывают о родителях, старших братьях или сыновьях. Повествуя о крайне затруднительном положении, в котором они оказались в спецпоселении, многие указывают на заслуги родственников, защищавших новый режим от внутреннего врага в годы Гражданской войны, близких родственников погибших, либо продолжающих воевать на фронтах Великой Отечественной войны. Именно эти записи позволили в последующем восстановить многие забытые и преданные забвению имена защитников Отечества. Автобиографии, вошедшие в личные дела спецпереселенцев, являются содержательным информативным источником жизни нескольких поколений депортированных. Следует отметить высокий информационный потенциал личных дел и их историческую значимость при изучении истории народов, страны в целом в разрезе отдельного исторического периода. На их основе можно представить подробную характеристику правового, политического, социального, хозяйственного и бытового устройства спецпереселенцев. Для постдепортационных поколений наличие личных дел, содержащих персональные данные, дало возможность не только восстановить историческую действительность, но и помочь в генеалогических разысканиях.

Как отмечалось выше, личное дело выселенца содержит определенный набор различных документов и материалов, отражающих повседневную жизнь спецпереселенцев. К примеру, в личном деле выселенца Магомед-Гирея Харсиева имеется 33 подшитых листа, содержащих подробную информацию о его пребывании в Казахстане вплоть до постановления об освобождении из спецпоселения. Дело должно было поступить на хранение в архив 1-го спецотдела УМВД. Документ датирован 24 мая 1956 г.²⁴

На титульном листе личного дела указывались Ф.И.О. выселенца, в категорию учета вписывались национальность, дата начала и окончания дела, в правом верхнем углу стоял гриф «Секретно», в левом нижнем углу — архивный номер. В каждом личном деле на обороте обложки имеется приложение — пошаговая инструкция, в соответствии с которой должно формироваться дело. В конце дела подшит «лист описи документов».

Согласно инструкции МВД, личное дело выселенца должно включать в себя восемь наименований документов. Перечень не внушительный, но достаточно содержательный. Выполнение всех требований документального оформления предписаний согласно инструкции являлось обязательным.

Анализ личных дел позволяет группировать их по различным категориям документов. К первой категории относятся документы, указанные в инструкции как обязательные, следовательно содержащиеся в каждом деле. Ко второй категории относятся документы и материалы либо приложения к ним, присутствующие во многих личных делах, но в значительной степени отражающие правовое, хозяйственное и бытовое положение спецпереселенцев в условиях особого режима.

Основным документом в деле является анкета, в которой категория учета определена как «выселенец». Место для фотографии соответственно предус-

35 33

"УТВЕРЖДАЮ"

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ МВД КО
ПОДПОЛКОВНИК З. В. Иванов
УБРУДОГ/

"2" сент. 1956 г.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

"29" мая 1956 г. г.с. Караганда

Я, _____ оперуполномочен 4 Спецотдела УМВД Карагандинской обл.
по Ленинскому району, ст.лет. Марасов,
рассмотрев личное дело № 10904 на спецпоселенца Харсиева
Магамедзирю 1914 по национальности киргиз гр. СССР

Н А Ш Е Л:

Харсиев Магамедзирю
на основании решения Правительства из Хулигодского
района, Грозненской области, в 1944 году был/а/ выселен/а/
на спецпоселение. Глава семьи Харсиева Калиман
на основании Постановления Совета Министров СССР от
24 ноября 1955 года № 1936-1052с из спецпоселения освобожден/а/ как
награжденный Медалью Материнской славы в связи
с заслуженным В-м 954179
руководствуясь Приказом МВД СССР № 0067 от 19.11.56 года.

П О С Т А Н О В И Д:

Харсиева Магамедзирю из спецпоселения освободить
Личное дело сдать на хранение в архив 1-го Спецотдела УМВД.

_____ оперуполномочен 4 Спецотдела УМВД
по Ленинскому району
ст.лет. Марасов А. Мамидов | Марасов

СОГЛАСЕН: НАЧАЛЬНИК 4 СПЕЦОТДЕЛА УМВД И. В. Иванов
КАПИТАН Н. АЛЕХНОВИЧ

Постановление об освобождении из спецпоселения М.Харсиева.
Источник: АУП ЧР. Ф. Р. 1094. Оп. 5. Д. 25672. Л. 33

матривало ее наличие. Фото имелись во всех без исключения делах. В анкете сформулирован 21 вопрос. Начинается она с указания автобиографических данных (дата и место рождения, место жительства до депортации и после, образование, социальное положение и т. д.). Второй блок содержит вопросы, связанные с выяснением политического статуса спецпоселенцев (судимость, проживание на оккупированных территориях, пребывание за границей, в плену, служба в воинских частях противника, есть ли близкие родственники — не выселенцы и т. д.).

Отдельный интерес представляет справка, подтверждающая основание содержания выселенца на учете спецпоселения. В ней указывалось, что спецпоселенец взят на учет как «лицо ингушской национальности»; имеется дата высылки и место. Например: «выслан 23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР в Казахскую ССР». Справка составлялась по заранее отпечатанному типографским способом шаблону. В верхнем правом углу гриф «Секретно». Текст заканчивался напоминанием о том, что выселенец «на основании Указа от 26 ноября 1948 г. оставлен навечно в местах обязательного поселения без права возврата к прежнему месту жительства». Справка заверялась подписью начальника городского либо районного МВД с указанием звания. В конце ставилась дата.

Помимо анкеты, заполняемой собственноручно (в случае неграмотности анкетируемого — его родственником или другим доверенным лицом), в деле имеется автобиография выселенца. Этот документ повторяет содержание анкеты, но уже в произвольной форме. Здесь подробнее отражена вся предыдущая жизнедеятельность спецпереселенца, включая сведения о родителях и других членах семьи, что дает более полное представление о его жизни и отношении к существующему режиму. Особо акцентируется внимание на социальном происхождении и личных заслугах членов семьи на трудовом и военном фронтах.

Во всех личных делах имеются четыре расписки: 1945, 1948, 1954 и 1956 гг., регламентирующие режимные мероприятия, проводимые государством (отметим, что ужесточение ограничительных мер, а затем и послабление, в сущности, дает представление о состоянии самой государственной тоталитарной системы). Расписка выглядит следующим образом: в правом верхнем углу обозначен номер формы, затем дата, полное имя, адрес и далее текст предписания, ознакомившись с которым выселенец расписывался. Рассмотрим содержание расписок.

Первая расписка (форма № 1) дана как свидетельство того, что выселенец ознакомлен с Постановлением СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенцев», законодательно установившим режим спецпоселения²⁵. Текст расписки: «...Я, являясь спецпоселенцем, не имею права выезжать (хотя бы и временно) из указанного выше места жительства без предварительного разрешения органов МВД. Об ответственности за нарушение данной подписки по ст. 82 УК РСФСР предупрежден, мне известно, что за самовольный выезд буду наказан в судебном порядке к лишению свободы сроком на 10 лет»²⁶. Вторая расписка (форма № 2) гласила: «...ознакомлен

9
Форма № 2

ПОДПИСКА

6 мая 1948 г. мне Арапханов
(фамилия)
Ахметей Мухомов
(имя и отчество)
проживающ. в с. Треховское Крик-Батми р-н
(указать точный адрес)

Объявлено, что я, являясь спецпоселенцем не имею права ни куда выезжать (хотя-бы и временно) из указанного выше постоянного места жительства без предварительного разрешения органов МВД.

Об ответственности за нарушение данной подписки по ст. 82 УК РСФСР предупрежден, мне известно, что за самовольный выезд буду наказан в судебном порядке к лишению свободы сроком до 10 лет.

Подпись Арапханов

6 мая 1948 г.
Подписку отобрал Рашид Ар-Батми
(должность, звание, фамилия, подпись)

Кокчетав, облгостин. 21 зак. 799 Рашид м. и Зафаров

Подписка выселенца А. Ю. Арапханова.

Источник: АУП ЧР. Ф. Р. 1094. Оп. 16. Д. 7014. Л. 9

в том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года я выселен навечно и за самовольный выезд (побег) из места обязательного поселения подлежу к привлечению к уголовной ответственности и осуждению к двадцати годам каторжных работ...». Ознакомление всех спецпоселенцев с данным указом предписано было произвести в кратчайшие сроки.

Процедура ознакомления и подписания расписок иногда растягивалась до следующего года, но это не освобождало от ответственности в случае возможного нарушения со стороны спецпоселенцев.

Таким образом, спецпереселенцы были жестко ограничены в каких-либо передвижениях за пределы мест поселения. Например, в деле М. Харсиева имеется рапорт надзирателя на имя коменданта спецкомендатуры. В нем сообщается о том, что М. Харсиев грубо нарушил постановление № 35, не явившись на отметку. Надзиратель в рапорте от 14 сентября 1951 г. просит принять в отношении него самые строгие меры²⁷. К тому времени М. Харсиев уже пять лет работал экспедитором облпотребсоюза и периодически должен был выезжать в г. Каркаралинск с квартальным отчетом. С просьбой разрешить выезд обращался не сам Харсиев, а председатель правления Карагандинского облпотребсоюза. Аналогичная ситуация возникала и в случае прибытия родственника из другого населенного пункта, о чем также необходимо было сообщить в спецкомендатуру²⁸.

Третья расписка (форма № 3) была введена после смерти Сталина. Приведем текст документа: «Мне объявлено о правах и обязанностях спецпоселенца, а также о том, что в случае самовольного выезда (побега) с места обязательного поселения, я в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1954 г. ...буду привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 82 УК РСФСР». Данная норма применялась в связи с Постановлением Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г., согласно которому спецпоселенцам «предоставляли право проживания в области, в которую они были выселены, и право свободного выезда в любой пункт страны, по служебным командировкам». Спецпоселенцы должны были соблюдать следующие пункты:

1. При перемене места жительства внутри области сняться с учета в спецкомендатуре МВД, а по прибытии к новому месту жительства немедленно встать на учет. (После предъявления путевого листа и разрешения на выезд по объективным причинам на другое место жительства органы спецкомендатуры запрашивали личные дела вновь прибывших спецпереселенцев. На основании разрешения и заявления на имя коменданта семья принималась на спецучет. До получения личного дела с предыдущего места поселения оформлялся временный учет, и после спецпоселенцы переводились на постоянный учет.)

2. О выездах в командировки за пределы области проживания сообщать в спецкомендатуру МВД.

3. Один раз в год лично являться на регистрацию в органы МВД.

На основании указания МВД СССР «все дети, находящиеся на воспитании в детских домах в дальнейшем должны состоять на учете спецкомендатуры МВД, и по достижении 16-летнего возраста каждый из них должен быть взят на персональный учет специального поселения, впредь ни один воспитанник не может быть переведен без письменного указания МВД»²⁹.

Четвертая расписка (форма № 4) была введена в связи с выходом Указа Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»³⁰. Каждому взрослому спецпереселенцу объявлялось о том, что он снят с учета спецпоселения и освобожден из-под административного надзора органов МВД на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г.³¹ По этому указу с учета спецпоселения, например, было снято 38 882 ингуша³², т. е. это была точная численность ингушского населения старше 16 лет по состоянию на 16 июля 1956 г. Учитывая то, что в 1944 г. было выселено более 134 000 ингушей, через 13 лет их численность значительно сократилась. Всего в СССР на 1 января 1954 г. на учете спецпоселения состояло 2 720 072 спецпоселенца (786 539 мужчин, 1 060 624 женщины и 872 909 детей), в том числе с Северного Кавказа: 324 319 чеченцев, 83 598 ингушей, 64 818 карачаевцев, 33 883 балкарцев³³.

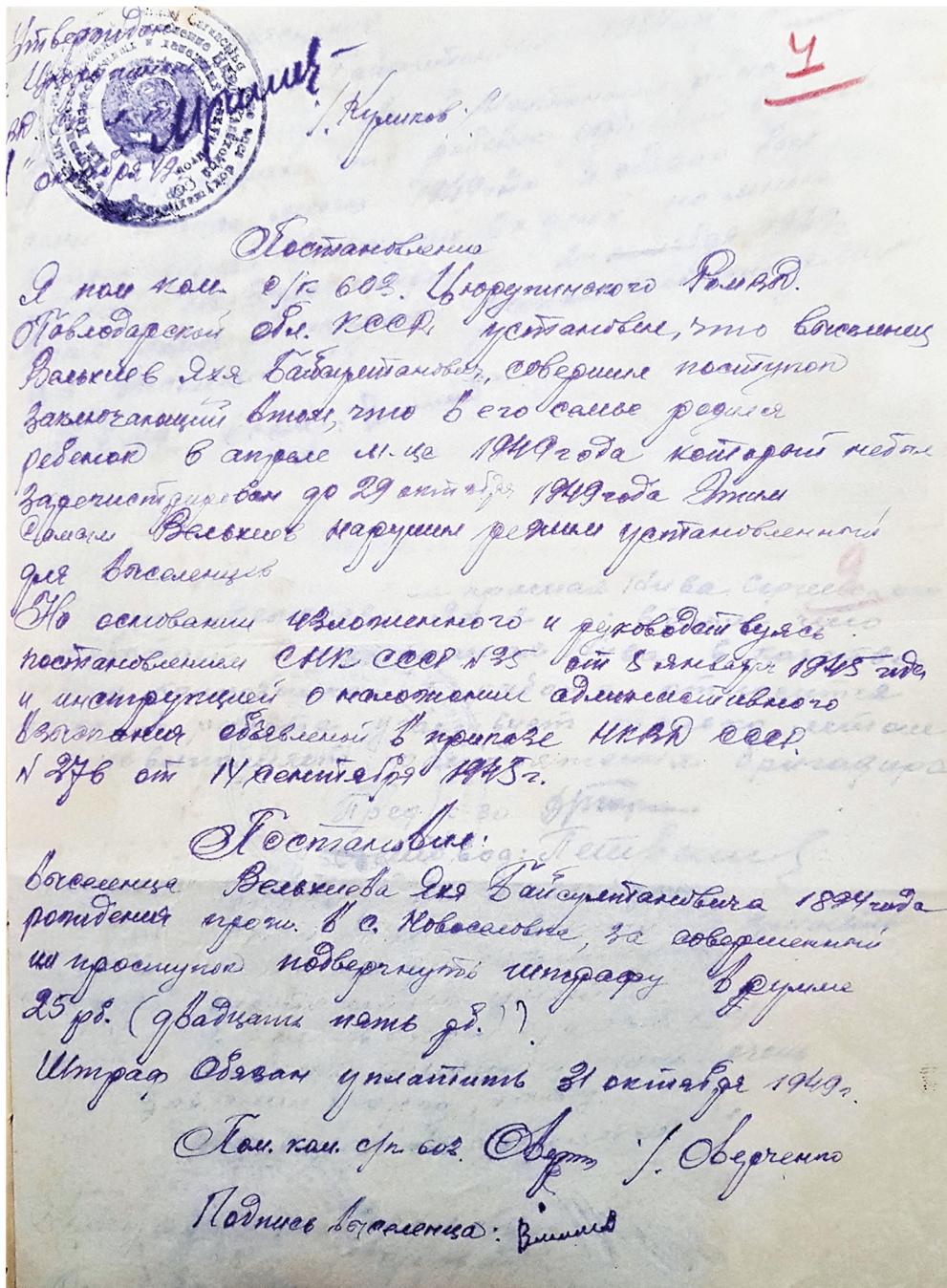
В расписке говорилось: «...мне также объявлено, что снятие с меня ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение мне имущества, конфискованного при выселении, и что я не имею права возвращаться в места, откуда был выселен». Естественно, такая мера никак не могла устроить людей, долгих 13 лет ожидавших справедливого решения проблемы. Потому многие

отказывались ее подписывать, и комендант в графе «Подпись» отмечал: «Отказался», либо графа оставалась пустой. Хотя в 1957 г. Чечено-Ингушская АССР и автономии других депортированных народов были восстановлены и люди получили разрешение на возвращение, тем не менее для возвращающихся на Северный Кавказ ингушей такая возможность оказалась ограниченной. Желание вернуться в свои дома, покупать их или снимать по договору найма жилья, в частности в населенных пунктах, переданных из Чечено-Ингушской АССР в состав Северо-Осетинской АССР, расценивалось местными органами власти как противоправное действие. В связи с этим было издано секретное распоряжение Председателя Совета Министров СО АССР В. Зангиева № 063 от 17 октября 1956 г. на имя председателя исполкома Коста-Хетагуровского района Совета депутатов трудящихся С. Г. Хадарцева. В нем говорилось: «За последнее время, в нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР, ингуши-спецпереселенцы, возвращающиеся с восточных районов страны, у колхозников, проживающих в Пригородном, Коста-Хетагуровском³⁴, Малгобекском и других районах СО АССР, покупают дома или арендуют жилые помещения под квартиры. Совет Министров СО АССР предлагает категорически запретить учреждениям и частным лицам продавать дома или сдавать жилплощадь под квартиры ингушам, возвращающимся из спецпоселения, а в отношении лиц, уже приобретших дома, аннулировать документацию купли-продажи»³⁵.

Регистрационный лист спецпоселенца был отпечатан типографским способом и содержал следующую информацию: номер, фотографию, полное имя, адрес спецпоселения и к какому контингенту относился спецпоселенец. Учетная карточка явки спецпоселенцев в комендатуру представляла собой календарную таблицу с указанием даты явки и подписи. Этот документ являлся завершающим в списке обязательных документов личного дела, которые, как отмечено выше, мы отнесли к первой категории.

Документы, относящиеся ко второй категории, отражают широкий круг проблем, с которыми каждый день сталкивались спецпоселенцы в условиях тотального контроля, и сообщают о нарушениях их элементарных прав. Например, среди документов сохранился словесный портрет спецпереселенца. Примечательно, что он был составлен, несмотря на наличие обязательной фотографии на анкете, лично комендантом, и составлен достаточно подробно. Описаны рост, фигура, плечи, шея, цвет волос, цвет глаз, форма лица, лоб, брови, нос, рот, губы, подбородок, уши и т. д.³⁶ Вполне очевидно, что составлялись словесные портреты, в первую очередь, для осуществления контрольных мероприятий за спецпоселенцами, а также для облегчения поисков в случае побега из мест обязательного поселения.

Характерным свидетельством тотального контроля над депортированными является то, что в кратчайшие сроки необходимо было подавать в спецкомендатуры сведения о рождении, смерти, выезде, вступлении в брак. Таким образом осуществлялся надзор за исполнением предписаний по информированию органов власти обо всех изменениях в семье, хотя в редких случаях отмечаются случаи их нарушения.

Постановление о наложении штрафа на Я. Г. Вельхива.
 Источник: АУП ЧР. Ф. Р. 1094. Оп. 13. Д. 1292. Л. 7

Так, например, спецпереселенец Яхя Гойсултанович Вельхийев совершил поступок, за который был оштрафован: «После рождения в его семье ребенка в апреле месяце 1949 г. не зарегистрировал его в течение трех дней. Этим самым Вельхийев нарушил режим, установленный для выселенцев. На основании изложенного и руководствуясь постановлением СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г., а также инструкцией о наложении административного взыскания (приказ НКВД СССР № 276 от 14 сентября 1945 г.), за свои действия Вельхийев был подвергнут штрафу в размере 25 руб.»³⁷.

Намного жестче были меры, принимаемые по отношению к «нарушителям», сменившим либо покинувшим место поселения. Например, спецпереселенка переехала без разрешения органов НКВД из с. Ильинка в с. Ново-Узенка Ленинского района Северо-Казахстанской области для воссоединения с братом. В 1949 г. женщина была арестована и осуждена на 20 лет, брат «за укрывательство» получил 8 лет³⁸, а старейшина (назначался из числа старейшин или религиозных авторитетов) — 5 лет каторжных работ³⁹.

Обращают на себя внимание многочисленные заявления спецпереселенцев с просьбой разрешить выехать в другие области республики на работу, учебу, лечение, а также для воссоединения с родственниками. В личных делах также много отказов на эти просьбы. В случае разрешения на переезд органы МВД строго регламентировали передвижение спецпоселенцев. В маршрутных листах указывались станции, через которые они обязательно должны были проследовать до места назначения. Изменение маршрута квалифицировалось как побег с места поселения, о чем их строго предупреждали под роспись, соответственно и наказание получали предусмотренное как за уголовное преступление. В личном деле выселенца указано: «Харниев М. Г. арестован и привлечен к уголовной ответственности 2 июля 1944 года за побег с места поселения... мера наказания обвиняемому определена, лишение свободы в ИТЛ на три года»⁴⁰.

В годы войны прошел ряд мобилизаций в «трудовые армии», многие семьи оказались разделенными. Об этом свидетельствуют заявления в личных делах спецпоселенцев на имя спецкоменданта с просьбами о воссоединении с членами семьи, проживающими в других населенных пунктах или областях Казахстана и Киргизии. Такая переписка могла длиться в течение нескольких лет. Так, например, спецпоселенец А., потратив на поиски жены около трех лет, не дожидаясь разрешения коменданта, вывез жену К. из Кокчетавской в Североказахстанскую область. В 1949 г. К. была арестована и приговорена к 20 годам каторжных работ. В справке, приложенной к делу говорится: «По алфавитному списку выселенцев, бежавших с мест поселения, подлежащих розыску, задержанию и привлечению к уголовной ответственности, разосланного при распоряжении МВД СССР № 787 от 28.12.1948 года по № 7591 значится <...> По делу К. следует выполнить следующее: предъявить по пункту 2 Указа от 26 ноября 1948 года, так как последний распространяется на поселенцев, совершивших побег до издания Указа. Побегом следует также считать временную самовольную отлучку с места поселения»⁴¹. Имеются также многочисленные заявления о розыске родственников, пропавших без вести

в ходе массовых депортаций, не вернувшихся с фронта после окончания войны фронтовиков. Особо следует отметить детей, потерявших по разным причинам родителей, которых государство с легкостью причисляло к беспризорным, не давая им возможности воссоединиться с родственниками.

В делах имеются также документы и материалы, отражающие профилактические меры властей против нарушителей режима спецпоселения. Это объяснительные записки спецпоселенцев об отлучках, опозданиях на регистрацию в спецкомендатуры по тем или иным причинам, о задержках в командировках, самовольных выездах из мест поселения, обстоятельствах, не позволивших своевременно сообщить об изменениях в семье; протоколы судебных процессов по фактам нарушения режима; решения о мерах наказания нарушителей режима: наложения штрафов, аресты от 3 до 15 суток, выселение в более отдаленные районы страны, тюремное заключение на срок от 5 до 25 лет, каторжные работы на срок до 20 лет.

Обращают на себя внимание содержащиеся в личных делах заявления и переписка с органами МВД по вопросу о снятии с учета спецпоселения отдельных граждан или семей по ряду причин. Эти заявления принадлежат в основном бывшим советским партийным работникам и фронтовикам. По своему характеру выделяются личные дела отдельных категорий выселенцев: политработников, бывших фронтовиков и трудармейцев. К примеру, в личном деле бывшего «трудармейца» А. Ю. Арапханова, работавшего по найму, имеется справка о том, что режим он не нарушал, намерений к побегу не имел. К справке прилагаются следующие документы: учетный материал, маршрутный лист, расписки, заявление с просьбой выдать разрешение-пропуск в г. Томск на лечение после полученной в забое рудника им. Сталина травмы, пропуск на проезд из лагеря на спецпоселении в Алматинскую область⁴².

Заключение

Анализ приведенных в статье документов дает возможность утверждать, что личные дела могут быть использованы как основа для моделирования социального портрета спецпоселенца в конкретно-исторический период. Они позволяют представить многостороннюю характеристику режима спецпоселений, общность судьбы ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков и чеченцев и проследить, как менялось положение спецпоселенцев с изменением нормативно-правовой базы.

В совокупности документы личного дела отражают скорее политическую историю народа и государства, чем просто историю индивида. Они имеют важное научное, социально-правовое и политическое значение для изучения истории повседневности депортированных народов. Источниковедческий анализ отдельных документов показал, что они, бесспорно, отражают отношение тоталитарного государства к человеку и позволяют давать комплексную оценку политической системе в целом.

¹ См.: *Conquest R.*: 1) *The Soviet Deportation of Nationalities*. London; New York, 1960; 2) *The Nation Killers*. London, 1972; *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978; *Уралов А. (Авторханов А.)*: 1) *Убийство чечено-ингушского народа: народоубийство в СССР*. М., 1991; 2) *Технология власти*. М., 1991.

² *Бугай Н. Ф.*: 1) Операция «Улусь». Элиста, 1991; 2) Правда о депортации чеченского и ингушского народов // *Вопросы истории*. 1990. № 7. С. 32–44; 3) Депортация: Берия докладывает Сталину // *Коммунист*. 1991. № 3. С. 107; 4) Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992. 288 с.

³ *Земсков В. Н.*: 1) К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // *История СССР*. 1990. № 4. С. 26–41; 2) Репатриация советских граждан в 1945–1946 гг. // *Россия XXI*. 1993. № 5. С. 98–111; 3) Спецпоселенцы (по документации НКВД — МВД СССР) // *Социологические исследования*. 1990. № 11. С. 3–17; 4) ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // *Социологические исследования*. 1991. № 7. С. 3–16; 5) Заключенные, спецпоселенцы, ссыльно-поселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // *История СССР*. 1991. № 5. С. 151–165; 6) Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // *Социологические исследования*. 1995. № 5–6. С. 3–13.

⁴ См.: *Герман А. А.*: 1) Репатриация граждан СССР немецкой национальности и отправка их на спецпоселение (1944–1946 гг.) // *Военно-исторические исследования в Поволжье*. Вып. 4. Саратов, 2000. С. 260–273; 2) Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // *Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1945 гг.* М., 2001. С. 257–270; 3) Трагедия Марты Нут («издержки» советской репатриации из Германии в 1944–1947 гг.) // *Военно-исторические исследования в Поволжье*. Вып. 5. Саратов, 2003. С. 375–380; 4) Советские репатриационные документы Великой Отечественной войны и послевоенного времени // *Военно-исторические исследования в Поволжье*. Вып. 6. Саратов, 2005. С. 162–185.

⁵ *Привалова М. Ю.* Изменения в механизме репатриации советских граждан немецкой национальности в начале «холодной войны» // *Власть*. 2008. № 8. С. 130–132; *Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность*. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, апрель 2008 г.): сб. статей. Пенза, 2008.

⁶ *Бургеарт Л. А.* Судьба человека — судьба народа. Личные дела немцев-спецпоселенцев как источник по проблеме депортации и режима спецпоселения // *Наказанный народ. Репрессии против российских немцев: материалы науч. конф., проведенной Немецким культурным центром им. Гёте в Москве совместно с Обществом «Мемориал» (Москва, 18–20 ноября 1998 г.)*. М., 1998. С. 180–187.

⁷ *Ермекбаев Ж. А.* Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы, 2009.

⁸ *Калыбекова М. Ч.* Депортация народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2015. Т. 22, № 1. С. 98–101.

⁹ *Мусагалиева А. С., Мусабекова Р. М.* Депортация и судьбы спецпереселенцев из Северного Кавказа (по материалам архивов Акмолинской и Кокчетавской областей) // *Вестник ИнгНИИ*. 2018. № 2. С. 38–48.

¹⁰ Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991. № 1761-1 (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/e07123f93cс99d707eee3fd50529d8d7f92a0c06/ (дата обращения: 14.12.2020).

¹¹ См. подробнее: Официальный сайт Архивного управления правительства Чеченской Республики. История Архива. URL: <http://arhiv-chr.ru/ob-arkhivnom-upravlenii/archive-history> (дата обращения: 10.03.2020).

¹² *Боромангнаев Б. Б.* Вклад репрессированных народов в победу в Великой Отечественной войне. Элиста, 2010. Т. 1. С. 90.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф.Р.9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 167.

¹⁴ *Боромангнаев Б. Б.* Вклад репрессированных народов в победу в Великой Отечественной войне. С. 456.

¹⁵ Государственный Архив Павлодарской области Республики Казахстан. Ф. 3-п. Оп. 1а. Д. 1. Л. 282.

- ¹⁶ ГА РФ. Ф. Р. 7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 21, 22, 23, 24.
- ¹⁷ Центральный Государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 56. Оп. 4. Д. 185. Л. 7.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 208.
- ¹⁹ Инструкция № 107/6 от 29 января 1944 г. «О порядке проведения выселения чеченцев и ингушей». URL: http://23021944.ru/load/dokumenty/instrukcija_o_porjadke_provedenija_vyselenija_chechencev_i_ingushej/1-1-0-3 (дата обращения: 10.03.2020).
- ²⁰ Архивное Управление Правительства Чеченской Республики (далее — АУП ЧР) Ф. Р. 1095. Оп. 5. Д. 4135. Л. 14.
- ²¹ ГА РФ. Ф. Р. 5446. Оп. 47а. Д. 3205. Л. 13, 14.
- ²² «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» // Там же. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 174. Л. 176.
- ²³ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 35.
- ²⁴ АУП ЧР. Ф. Р. 1094. Оп. 5. Д. 25672. Л. 33.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р. 8131. Оп. 38. Д. 235. Л. 9, 10, 11, 12.
- ²⁶ АУП ЧР. Ф. Р. 1094. Оп. 16. Д. 7014. Л. 9.
- ²⁷ Там же. Оп. 5. Д. 25672. Л. 9.
- ²⁸ Там же. Л. 21, 22.
- ²⁹ Государственный Архив Енбекшильдерского района Акмолинской области Республики Казахстан. Ф. 15. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 629. Л. 201.
- ³¹ Президиум Верховного Совета СССР. Указ от 16 июля 1956 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5106.htm (дата обращения: 15.02.2020).
- ³² ГА РФ. Ф. Р. 9474 (Коллекция документов).
- ³³ См.: Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.). URL: http://ecsocman.hse.ru/data/780/922/1219/003_zemskov.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
- ³⁴ Бывший Назрановский район Чечено-Ингушской АССР, переименованный в 1944 г.
- ³⁵ Хатуев И., Сардалов И. Депортация чеченского народа: факты, свидетельства, документы. Грозный, 2012. С. 623.
- ³⁶ Управление Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК по Северо-Казахстанской области (далее — УКПС и СУ ГП РК по СКО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 144. Л. 5.
- ³⁷ АУП ЧР. Ф. Р. 1094. Оп. 13. Д. 1292. Л. 7.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 295.
- ³⁹ УКПС и СУ ГП РК по СКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 961. Л. 93–95.
- ⁴⁰ Там же. Д. 959. Л. 20.
- ⁴¹ Там же. Д. 662. Л. 25, Л. 26.
- ⁴² АУП ЧР. Ф. Р. 1094. Оп. 16. Д. 7014. Л. 7.

Статья поступила в редакцию 19 марта 2020 г.
Рекомендована к печати 20 ноября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Арапханова Л. Я. Личное дело выселенца — исторический источник по изучению режима спецпоселения // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 127–144.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.107>

Аннотация: В статье исследован важный архивный источник — личное дело выселенца, оригинальная форма документа, составленная органами НКВД, характеризующая личность лица, находящегося на спецпоселении. Это массовые официальные документы персонального характера, заводившиеся на абсолютно всех взрослых выселенцев, депортированных в годы Великой Отечественной войны из разных областей и республик бывшего СССР. Автор впервые демонстрирует ранее засекреченные

личные дела и документы о правовом положении спецпереселенцев. Введение в научный оборот новых материалов позволит пролить свет на многие стороны жизни спецпоселенцев. Личное дело наглядно показывает как условия содержания на спецпоселении, так и изменения нормативно-правовой базы, регламентировавшей жизнь указанной категории в рамках спецпоселенческой системы в СССР. В соответствии с вводимыми изменениями спецкомендатура знакомила каждого спецпоселенца с новыми нормами, о чем давались расписки. Четыре расписки, представленные в делах, позволяют выделить четыре этапа изменений — с 1944 по 1957 г. В статье подчеркивается, что для постдепортационных поколений наличие личных дел, содержащих персональные данные, дало возможность восстановить не только историческую действительность, но и помочь в генеалогических разысканиях. Характеристика представленного комплекса документов позволяет определить общность судьбы ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков и чеченцев, законодательную основу режима спецпоселения, его установление и действие на различных этапах.

Ключевые слова: депортация, Казахстан, Киргизия, личное дело, спецпоселенец, спецпоселения, выселенец, ингуши, чеченцы, репрессии.

Сведения об авторе: Арапханова Л. Я. — канд. полит. наук, зав. отделом социально-политических исследований, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева; доц., Ингушский государственный университет (Магас, Россия); araphanova@mail.ru

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, Россия, 386001, Республика Ингушетия, Магас, ул. Д. Мальсагова, 11

Ингушский государственный университет, Россия, 386001, Республика Ингушетия, Магас, пр. И. Зязикова, 7

FOR CITATION

Arapkhanova L. Ya. 'Personal Files of the Expelled — A Source for the Research on the Special Settlement Regime', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 1, 2022, pp. 127–144. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.107> (In Russian)

Abstract: This article explores an important archival source, the personal files of deportees, the original form of the document compiled by the NKVD characterizing the identity of a person who is on special settlement. These are massive official documents of a personal nature, applied to all adults deported during World War II from different regions and republics of the former USSR. The author reveals previously classified personal files and documents on the legal status of special settlers. The introduction of new documents into circulation made it possible to shed light on many aspects of the life of deportees related to their social and legal adaptation in new places of settlements. A personal file clearly demonstrates both the conditions of detention at the special settlement, and changes in the regulatory framework governing the life of this category within the framework of the special settlement system in the USSR. In accordance with the ongoing changes, a special commandant introduced each special settler to the new standards, who were given receipts. The file contains four receipts that allow one to divide the period from 1944 to 1957 into four stages. The article emphasizes that for post-deportation generations, the presence of personal files containing personal data was a good opportunity in restoring not only history, but also genealogy. It has both important scholarly, socio-legal, and political significance for the study of destinies, both of individuals and of entire nations. As examples, some documents are contained in the personal files of the evicts.

Keywords: deportation, Kazakhstan, Kyrgyzstan, personal file, special settler, special settlements, expelled, Ingush, Chechens, repression.

Author: Arapkhanova L. Ya. — PhD in Political Sciences, Head of the Department, Ch. Akhriev Ingush Scientific Research Institute for the Humanities; Associate Professor, Ingush State University (Magas, Russia); araphanova@mail.ru

Ch. Akhriev Ingush Scientific Research Institute for the Humanities, 11, ul. D. Malsagova, Magas, Republic of Ingushetia, 386001, Russia

Ingush State University, 7, pr. I. Zyzikova, Magas, Republic of Ingushetia, 386001, Russia

References:

- Avtorkhanov A. *Technology of power* (Moscow, 1991). (In Russian)
- Boromangnaev B. B. *Contribution of repressed peoples to victory in the Great Patriotic War*, vol. 1 (Elista, 2010). (In Russian)
- Bugay N. F. 'Deportation: Beria reports to Stalin', *Kommunist*, no. 3, 1991. (In Russian)
- Bugay N. F. *Joseph Stalin to Lavrenty Beria: "They must be deported"* (Moscow, 1992). (In Russian)
- Bugay N. F. *Operation "Ulus"* (Elista, 1991). (In Russian)
- Bugay N. F. *Repressed peoples of Russia: Chechens and Ingush* (Moscow, 1994). (In Russian)
- Bugay N. F. 'The truth about the deportation of the Chechen and Ingush peoples', *Voprosy istorii*, no. 7, 1990. (In Russian)
- Burhart L. A. 'The fate of a person is the fate of the people. Personal files of the German special settlers as a source on the problem of deportation and the special settlement regime' in *Nakazannyi narod. Repressii protiv rossiiskikh nemtsev. Materialy nauch. konferentsii, provedennoi Nemetskim kul'turnym tse ntrom im. Gete v Moskve sovместno s Obshchestvom "Memorial"* (Moscow, 1998). (In Russian)
- Conquest R. *The Nation Killers* (London, 1972).
- Conquest R. *The Soviet Deportation of Nationalities* (London; New York, 1960).
- Erme kbaev Zh. A. *Chechens and Ingush in Kazakhstan. History and destinies* (Almaty, 2009). (In Russian)
- German A. A. 'Repatriation of German citizens of the USSR and sending them to a special settlement (1944–1946)' in *Voенно-istoricheskie issledovaniia v Povolzh'e*, iss. 4 (Saratov, 2000). (In Russian)
- German A. A. 'Repatriation of Soviet citizens of German nationality: nature of implementation and results' in *Nemtsy SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v pervoe poslevoенное desiatiletie. 1941–1945 gg.* (Moscow, 2001). (In Russian)
- German A. A. 'Soviet repatriation documents of the Great Patriotic War and the post-war period' in *Voенно-istoricheskie issledovaniia v Povolzh'e*, iss. 6 (Saratov, 2005). (In Russian)
- German A. A. 'The tragedy of Martha Nut ("costs" of Soviet repatriation from Germany in 1944–1947)' in *Voенно-istoricheskie issledovaniia v Povolzh'e*, iss. 5 (Saratov, 2003). (In Russian)
- Kalybekova M. Ch. 'Deportation of peoples to Kazakhstan during the Great Patriotic War', *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, iss. 22, no. 1, 2015. (In Russian)
- Khatuev I., Sardalov I. *Deportation of the Chechen people: facts, evidence, documents* (Grozny, 2012). (In Russian)
- Musagalieva A. S., Musabekova R. M. 'Deportation and the fate of special settlers from the North Caucasus (based on materials from the archives of Akmoла and Kokchetav regions)', *Vestnik IngNII*, no. 2, 2018. (In Russian)
- Nekrich A. *The Punished Peoples* (New York, 1978).
- Privalova M. Yu. 'Changes in the mechanism of repatriation of Soviet citizens of German nationality at the beginning of the Cold War', *Vlast'*, no. 8, 2008. (In Russian)
- Privalova M. Yu. 'The fate of the repatriated Germans in archival documents' in *Rossiiа v mirovom soobshchestve tsivilizatsii: istoriia i sovremennost'. IV Mezhdunarodnaia nauch.-prakt. konferentsiia* (Penza, 2008). (In Russian)
- Uralov A. (Avtorkhanov A.). *The murder of the Chechen-Ingush people* (Moscow, 1991). (In Russian)
- Zemskov V. N. 'GULAG (historical and sociological aspect)', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, 1991. (In Russian)
- Zemskov V. N. 'On the issue of the repatriation of Soviet citizens 1944–1951', *Istoriia SSSR*, no. 4, 1990. (In Russian)
- Zemskov V. N. 'Prisoners, special settlers, exiled settlers, exiles and exiles: statistical and geographical aspect', *Istoriia SSSR*, no. 5, 1991. (In Russian)
- Zemskov V. N. 'Repatriation of Soviet citizens and their further fate (1944–1956)', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5-6, 1995. (In Russian)
- Zemskov V. N. 'Repatriation of Soviet citizens in 1945–1946', *Rossiiа XXI*, no. 5, 1993. (In Russian)
- Zemskov V. N. 'Special settlers (according to the documentation of the NKVD — Ministry of Internal Affairs of the USSR)', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, 1990. (In Russian)

Received: March 19, 2020

Accepted: November 20, 2021